

ТАТЬЯНА СИДОРИНА

.....

ЖИЗНЬ БЕЗ ТРУДА ИЛИ ТРУД ВО СПАСЕНИЕ?

.....

Татьяна Сидорина

**Жизнь без труда или
труд во спасение?**

«Алетейя»

2018

УДК 331
ББК 65.24

Сидорина Т. Ю.

Жизнь без труда или труд во спасение? / Т. Ю. Сидорина —
«Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-48-9

В XXI веке кардинально меняются роль и место труда как основного социального института. Казалось бы, труд – одно из основных условий существования и развития человеческого общества. И ничто не способно поколебать это устоявшееся представление. Однако особенности современной эпохи свидетельствуют о серьезных изменениях характера и содержания процесса труда. И эти изменения, о которых пойдет речь в нашей книге, совпадают с желанием современного человека освободиться от столь тяготивших его тенет труда. Что ждет человека, выросшего в цивилизации труда, убежденного, что труд – это одна из основных жизненных потребностей. Какие перспективы рисует нам информационная эпоха, что будет с трудом как с одним из видов человеческой деятельности? Эти и другие вопросы в центре внимания книги «Жизнь без труда или труд во спасение?» Сидориной Татьяны Юрьевны – известного российского исследователя в области философии культуры, социальной теории, социальной философии, доктора философских наук, ординарного профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

УДК 331
ББК 65.24

ISBN 978-5-906980-48-9

© Сидорина Т. Ю., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Введение	7
Труд в индустриальную эпоху	9
Принуждение к труду	12
Формы и методы принуждения к труду	13
Формы принудительного труда	13
Механизмы организации труда: попытка классификации	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Юрьевна Сидорина
Жизнь без труда или труд во спасение?

© Т. Ю. Сидорина, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Введение

Книги, которые мы пишем или только замыслиаем написать, начинают жить своей жизнью, даже не будучи законченными. Книга, которую вы держите в руках, первоначально называлась «Не хочу работать». Название говорило само за себя: я хотела написать о том, что современный человек, который живет трудом и благодаря труду и который считает труд одной из неотъемлемых потребностей, вовсе не обязан жить, выстраивая свою жизнь вокруг труда. Я хотела рассказать, что современное отношение к труду сформировалось в определенную историческую эпоху. В иные эпохи люди не всегда почитали и превозносили труд, а проводили значительную часть времени в празднествах, спортивных состязаниях, а в некоторых обществах просто танцевали.

Почему я хотела написать эту книгу? Прежде всего я хотела объяснить себе и другим, что человек не должен тратить жизнь на ежедневный многочасовой труд, труд – принуждение, труд – обязанность, объяснить, откуда появилась всеобщая трудовая повинность, а вовсе не потребность, которая определяет жизнь современной цивилизации. В СССР я успела получить образование, узнала, что труд – это первая обязанность советского человека, что среди прав человека одно из первых мест занимает именно право на труд, но в то же время есть и почетная обязанность трудиться.

Сама же я никогда не испытывала потребности в труде, и почетная обязанность трудиться меня тяготила. Заинтересовавшись этим вопросом, я поняла, что труд – это всего лишь один из видов человеческой деятельности. Помимо труда есть управление, творчество, игра, коммуникация, и человек может самостоятельно решать, какую часть жизни он посвящает собственно труду, и вообще выбирать, каким видом деятельности он будет заниматься и будет ли вообще заниматься какой – либо деятельностью.

СССР был империей труда, и человек воспринимал себя частью этой великой трудовой мегамашины. Однако и в противостоящем мире капитала на протяжении XX столетия царила подобная трудоцентристская парадигма, обусловленная задачами индустриальной эпохи.

Вряд ли среднестатистический человек по ту сторону железного занавеса, как и советский человек, в середине XX в. представлял себе жизнь, свободной от ежедневного утомительного труда, обязанности обеспечивать потребности своей семьи, «в поте лица добывая хлеб свой».

Почему же на рубеже XX–XXI вв. отношение к труду изменяется, появляются крамольные мысли о нежелании работать, попытки оправдать это нежелание, обратиться к другим видам деятельности, даже менее оплачиваемым, не всегда способным обеспечить насущные потребности, но более интересным? Почему столь актуальным становится изречение «не хлебом единым жив человек»?

Причем меняется не только отношение к труду, но и сама сфера труда. Меняется его профессиональная структура: на смену индустриальным профессиям приходят профессии информационной эпохи, что с одной стороны, обусловлено веяниями времени, достижениями научно – технического развития, а с другой – определяет расстановку сил на рынке труда и в сфере занятости и меняет привычные жизненные стереотипы, складывавшиеся в течение столетий.

Казалось бы, труд – одно из основных условий существования и развития человеческого общества. И ничто не способно поколебать это устоявшееся представление. Однако особенности постиндустриальной эпохи свидетельствуют о серьезных изменениях характера и содержания процесса труда. И эти изменения, о которых пойдет речь в нашей книге, совпадают с желанием современного человека освободиться от столь тяготивших его тенет труда. Немецкий философ Фридрих Юнгер еще в середине XX в. писал, что современному человеку свойственна мучительная тоска по свободному времени. И большинство людей верят, что техника

берет на себя часть работы, облегчая жизнь человека, предоставляя время для разнообразного досуга¹.

Но облегчая процесс труда, заменяя человека на производстве и даже в сфере обслуживания, техника обостряет ситуацию в сфере занятости. Исследователи все чаще говорят о кризисе труда, понимая под этим рост безработицы, становящуюся более явной неопределенность роли труда, его статуса и значимости.

И если значительная часть человечества тяготится тяжелым трудом в его классическом понимании и мечтает о творческой работе, свободном времени, досуге (и эти возможности становятся ощутимой реальностью благодаря достижениям науки и техники), то не меньшей части населения Земли трудовая деятельность по – прежнему необходима: сокращается рынок труда, где были востребованы рабочие профессии, возможное освобождение человека от тягот труда оборачивается перспективой утраты источников существования.

Человек оказывается перед дилеммой: обрести столь желанную жизнь без труда, но и без материального обеспечения или ухватиться за труд как за соломинку и постараться выжить. Безусловно, такая дилемма существовала всегда и, видимо, это один из законов социального развития. Но короткий период социального благосостояния второй половины XX столетия позволил распространиться надежде на освобождение от труда как от тяжелой обязанности. Первые десятилетия XXI века развеяли эти иллюзии и возвращают труду его утраченный статус.

Что выбирает современный человек – отказывается от труда или обращается к нему как спасению?

¹ Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 19.

Труд в индустриальную эпоху

В современном мире работа предстает как явление планетарного масштаба, как процесс, осуществляемый всем человечеством. В этой связи напрашивается желание представить работу как некое фундаментальное основание, соотносить ее с образом и даже смыслом жизни, что, кстати, не раз уже делалось в истории XX в.

«XX век принес моду восхвалять мир труда и провозглашать славу труду, – пишет немецкий философ Ф. Юнгер. – Человек труда стал декларируемым, мифологизируемым героем мира социализма, царства рабочих и крестьян»². В мире индустриального труда, подразумевавшего наличие нужды и тяжелой работы, воспеваются «биржи труда, военизированные трудовые лагеря и трудовые достижения»³.

Такой подход к труду выражает распространенную трактовку этого социального феномена. Но всегда ли он именно так воспринимался? Насколько крепка эта сцепка – человек – труд?

Существуют исследования, прямо или косвенно доказывающие несостоятельность этого (ставшего фундаментальным) основания нашего мировосприятия. Многие исследователи (Л. Мамфорд, М. Салинз, Й. Хейзинга, Б. Малиновский, А.Я. Гуревич и др.) подчеркивают, что трудовая деятельность не всегда была неоспоримым атрибутом человеческого общежития.

На протяжении столетий понятие «труд» и сам процесс труда в европейской культурной традиции претерпели существенные трансформации как по содержанию, так и по восприятию. Труд пережил периоды презрительного отношения, поклонения и восхищения, разочарования, отчуждения и, возможно, конца.

Сменившая традиционную, индустриальная эпоха принесла ставшее устойчивым понимание труда как труда индустриального. Характер и направленность этого труда были соответственно обусловлены потребностями развивавшейся промышленности, достижениями научно – технической революции, последовавшими социальными трансформациями.

Труд в индустриальную эпоху обрел такую значимость во всех сферах жизни человека и общества, что трактовка труда, сложившаяся в это время, начала постепенно рассматриваться в качестве базовой, становясь классической, объединившей фундаментальные характеристики труда как одного из основных социальных феноменов.

Что представляет собой классическая трактовка феномена труда? Является ли она инвариантной? Соответствует ли современный труд его классическим образцам?

«Одной из мифологем развитого индустриального и постиндустриального обществ, – заявляет И. Джохадзе, – является глубоко укоренившееся в сознании людей представление о труде как специфически целерациональной деятельности, объединяющей всех “здоровых” и “полноценных” членов социума, “создающей продукт” и с необходимостью обуславливающей существование – человека – в – мире. Труд политически санкционируется, экономически поощряется, юридически и этически легитимизируется. Вне его жизнь человека не мыслится как “нормальная” и социально приемлемая. При этом под трудом понимают, главным образом, регламентированную профессиональную деятельность, связанную с производством и потреблением. Вменяемой человеку в обязанность трудовой деятельности противопоставляется все непосредственно к ней не относящееся, считающееся второстепенным, случайным, производ-

² Юнгер Ф. Машина и собственность // Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 469. Там же. С. 470.

³ Там же. С. 470.

ным, в первую очередь – досуг. *Целерациональный труд оправдывает жизнь человека и наделяет ее смыслом* [Курсив мой. – Т.С.]»⁴.

Подобная трактовка труда распространена повсеместно, и современный человек воспринимает ее органично.

Почти столетие назад О. Шпенглер писал, что труд обретает свою нынешнюю трактовку в XVIII в.: «"Труд" делается великим словом в этических размышлениях ... во всех языках он утрачивает презрительный оттенок. Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству людей»⁵.

Время технической цивилизации, 1930 – е годы – это эпоха труда, время великих строек и трудовых побед⁶.

Союз советских социалистических республик – СССР – воплощение идеи индустриального государства, цивилизации труда. Решение проблем трудоустройства – обеспечение декларированного в Конституции СССР права на труд – взяло на себя государство⁷.

Это явилось решающим шагом для утверждения и воплощения в жизнь ключевой социальной доктрины молодого советского государства – концепции всеобщности труда, согласно которой все граждане, независимо от индивидуальных особенностей, должны работать на благо Родины, осуществлять намеченные грандиозные планы.

В СССР программы обеспечения занятостью соответствовали принципам плановой экономики. Летом 1930 г. рынок труда был упразднен, а Наркомат труда и его органы на местах были реорганизованы.

В период индустриализации руководителям страны она представлялась огромным заводом, работающим по единому плану, единой программе, заранее утвержденной номенклатуре, в соответствии с установленными приоритетами. Продукцию давали на душу населения – тыс., млрд кубометров. Началась эпоха организации трудового энтузиазма сверху. Его подстегивали пропагандистскими и репрессивными мерами, стимулировали мотивами соревновательности⁸.

Социалистическое строительство в конце 1920–1930 – х гг. приобрело невероятные масштабы. Это время называют эпохой великих строек, ставших примером проведения широко-масштабной политики государства в экономике.

Жизнь – в – производстве стала в СССР формулой существования человека. СССР создавался как всесоциалистических республик. Издание ЦИК СССР. Москва— Кремль, 1937. С. 28 /.

мирно – историческое производительное сообщество, членами которого выступали люди труда. Отправной точкой в обосновании данной миссии, по мнению отечественного исследователя А. Ашкерова, служила моргановско – энгельсовская гипотеза о происхождении человека, а ее финальной точкой – образ коммунистического общества, где ликвидация разделения труда станет условием единения работы с творчеством⁹.

При этом труд превращался «в некое ритуальное продолжение революционного процесса. Если речь заходила о труде, то она неизменно шла о свершениях, починах, рекордах, пятилетках, социалистическом соревновании, скорейших темпах и небывалых сроках, ударниках и передовиках... <...> В то же время вряд ли можно представить себе и нечто более спо-

⁴ Джохадзе И. Номо faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

⁶ См.: Ашкерова А. Начала труда и конец производства // Отеч. зап. 2003. № 3.

⁷ См.: Конституция СССР. Гл. X. Основные права и обязанности граждан. Ст. 118. Граждане СССР имеют право на труд, т. е. право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы. / Конституция (основной закон) СССР. Конституции (основные законы) союзных советских

⁸ См.: Золотова И.К., Гарсия – Исер М.Х., Голодец О.Ю., Смирнов С.Н. и др. Российский рынок труда: становление и развитие. М.: Федеральная служба занятости России, 1995.

⁹ См.: Ашкерова А. Начала труда и конец производства // Отеч. зап. 2003. № 3.

собное выхолостить революционное действие (путем избавления от возможности совершать изменения), нежели избрание этому действию такого аналога, как монотонное трудовое усилие»¹⁰.

Обратной стороной рутины неизменно выступает репрессивность. Репрессивности во многом способствует милитаризация трудовой деятельности, которая одновременно концентрирует в себе и возможность превращения ее в область, где ничто не может поставить предела героическому энтузиазму, и насаждения в этой области армейского порядка, который, как известно, также не признает никаких границ. Два этих вида безграничности – энтузиазм и принуждение – выступают в данном случае явлениями одного плана: «Словом, труд, ставший, по выражению Сталина, делом чести, доблести и славы, вовсе не превосходит, а, напротив, дополняет труд, сделавшийся уделом тех, кто оказался в рабском положении солдата какой – либо "трудовой армии"»¹¹.

Так в условиях тоталитарного государства происходила метаморфоза, превращение труда как деятельности на благо Родины и народа, труда освобожденного, приносящего радость, – в тяжкое безжалостное принуждение.

Своеобразный гимн труду эпохи социализма, знаменитый «Марш энтузиастов» (муз. И. Дунаевского, стихи А. Д'Актиля), впервые прозвучавший в кинофильме «Светлый путь» (1940), был написан в то же время, когда над СССР нависла зловещая тень массовых репрессий – арестов, расстрелов и заключения в исправительно – трудовые лагеря (предположительно марш сочинен в 1936 г.).

В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!
Ты по степи, ты по лесу,
Ты к тропикам, ты к полюсу
Легла родимая, необозримая,
Несокрушимая моя.

Нам ли стоять на месте!
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.

К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься —
Мечта прекрасная, еще неясная,
Уже зовет тебя вперед.

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века!

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Ашкерев А. Начала труда и конец производства // Отеч. зап. 2003. № 3.

Принуждение к труду

Почему человек соглашается на тяжелый труд? Принуждение и еще раз принуждение! Принуждение может исходить как от внешнего источника, так и иметь внутренние причины, когда человек осознанно принимает решение. В этом случае выражение «делать из – под палки» обретает метафорический смысл, хотя на протяжении столетий человек имел дело с принуждением к труду в прямом смысле этого слова.

Согласно Э. Мунье, «труд всегда оказывается навязанным (вынужденные призвания, социальные принуждения или просто жизненная необходимость сама по себе); труд вызывает усталость, которая возрастает по мере увеличения продолжительности затрачиваемого усилия; труду свойствен определенный автоматизм, а следовательно, и монотонность, которая быстро лишает работника интереса к делу рук своих и даже к собственным движениям. Элемент принуждения, сколько бы незначительным он ни был, всегда присутствует даже в самом легком труде. Принуждение может как усиливаться (если различным отягощающим труд факторам также добавлена и бесчеловечность условий, в которые поставлен работник), так и ослабляться, если труд выполняется свободно (а тем более, если он выполняется по призванию или по любви), и если усилие человека сведено к минимуму»¹².

Поскольку принужденность в труде неотделима от самого труда вообще, даже труда, протекающего в обычных условиях, он не может всегда и всюду вызывать радость или приносить наслаждение.

Из учебников мы знаем, что «свобода – это осознанная необходимость». Труд – это тоже необходимость, но далеко не каждый способен и стремится эту необходимость осознать. Соответственно возникает потребность в институтах и механизмах принуждения к труду.

¹² Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 146.

Формы и методы принуждения к труду

Формы принудительного труда

Исследователи отмечают, что принудительный труд повсеместно встречается в истории. Среди основных форм принудительного труда выделяют рабство, крепостничество и косвенное принуждение.

Появление «классического рабства» можно связать с развитием рынка свободной торговли. Прибавочный продукт, создаваемый рабом, в рамках рынка подлежит обмену на деньги, которые, в свою очередь, будут накапливаться и увеличивать могущество хозяина. При отсутствии рынка всякий излишек подлежал бы потреблению, что весьма ограничивало бы стимулы к эксплуатации... В случае рабства имеет место личная зависимость, при которой человек является собственностью своего хозяина – индивидуального или коллективного – и в рамках существующих правил тот может распоряжаться этим человеком по своему усмотрению.

... Крепостничество имеет место в случае поземельной зависимости или, шире, прикрепленности человека к рабочему месту ... Отношения помещика и крепостного имеют характер служебных назначений, при которых крестьянин оказывается в подчинении у данного помещика до тех пор, пока остаются в силе соответствующие назначения.

... Косвенное принуждение – еще один вид принуждения к труду, названный классиками марксизма «экономическим принуждением» или «фабричным рабством», а в современной литературе – «зарплатным рабством», предполагает, что рабочий будет трудиться на самых невыгодных условиях по причине отсутствия альтернативного источника пропитания. Такая ситуация складывается, когда существует избыток рабочей силы относительно других факторов производства¹³.

Следует развести понятия рабства и принудительного труда, как бы привлекательны ни были подобные аналогии. Так, Конвенция ООН о рабстве 1926 г. определяет рабство как статус или положение человека, в отношении которого действуют все права, связанные с правом собственности /Ст. 1(1)/.

Понятие «принудительный труд» является более широким и охватывает наряду с рабством другие формы принудительного и подневольного труда, при которых работник не находится в чей – либо собственности и которые не обязательно являются рабством или практикой, близкой к рабству.

Определение принудительного труда дается в Конвенции Международной организации труда (МОТ) 1930 г. (№ 29): «Для целей настоящей Конвенции термин “принудительный или обязательный труд” означает всякую работу или службу, требуемую от какого – либо лица под угрозой какого – либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг» /Ст. 2, п. 1/¹⁴.

¹³ Скоробогатов А.С. Жизнь или свобода: рациональные основы принудительного труда в исторической перспективе // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. Том 1. № 1. С. 59–61. Следует учесть, что общественные работы не всегда представляют собой форму принудительного труда: так, в условиях Великой депрессии в США обратились к практике общественных работ для решения проблемы безработицы.

¹⁴ Отметим, что в Конвенции МОТ 1930 г. из данного понятия был исключен ряд форм принудительного труда, которые в то время рассматривались в некоторых странах как нормальные обязанности, а именно: «(а) всякую работу или службу, требуемую в силу законов об обязательной военной службе и применяемую для работ чисто военного характера; (б) всякую работу или службу, требуемую от какого – либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ; (г) всякую работу или службу, требуемую в условиях чрезвычайных обстоятельств, т. е. в случаях войны или бедствия или угрозы бедствия, как то: пожары,

В Декларации МОТ 1998 г. среди видов деятельности, которые часто приводят или могут привести к возникновению каких – либо форм принудительного труда, были названы, в частности, труд в условиях кабальной зависимости; торговля людьми и работниками – мигрантами и эксплуатация таких работников; коммерческая сексуальная эксплуатация, которая, как правило, осуществляется на принудительной основе; работы в качестве домашней прислуги с элементами принуждения к труду.

наводнения, голод, землетрясения, сильные эпидемии, эпизоотии, нашествия вредных животных, насекомых или паразитов растений и вообще обстоятельств, ставящих под угрозу или могущих поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения; (д) мелкие работы общинного характера, т. е. работы, выполняемые для прямой пользы коллектива членами данного коллектива и которые поэтому могут считаться обычными гражданскими обязанностями членов коллектива при условии, что само население или его непосредственные представители имеют право высказать свое мнение относительно целесообразности этих работ» (Ст. 2, п. 2). Интернет – ресурс: <http://www.ilo.org/legacy/russian/dialogue/ifpdial/llg/ch6/index.htm#pg>

Механизмы организации труда: попытка классификации

Рынок труда, работные дома в Великобритании

Великое детище капиталистической экономики – рынок труда – рождался непросто. Многие способствовали ему, многие создавали препятствия. Подробно становление рынка труда в Великобритании исследовал К. Поланьи в работе «Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени» (1944), он излагает историю правового акта, который на 40 лет задержал развитие рынка труда, так называемого закона Спинхемленда, принятого в 1795 г. Этот закон, обоснованный внешне как необходимость решать проблему возросшей нищеты, вводил практику пособий как «право на жизнь», позволявших существовать не работая.

Поланьи рассматривает историю правового акта (так называемого закона Спинхемленда, принятого в 1795 г.), который на 40 лет задержал развитие рынка труда. Этот закон, внешне обоснованный необходимостью борьбы с ростом нищеты, вводил право существовать не работая как систему, как практику, как «право на жизнь». С одной стороны, этот закон предотвратил революцию снизу, с другой – последствия Спинхемленда оказались столь плачевными, что и после его отмены потребовалось длительное время для их преодоления.

В числе роковых последствий введения закона Спинхемленда называют катастрофическое падение производительности труда: «Уже через несколько лет производительность труда опустилась до уровня, характерного для пауперов, предоставив работодателям еще одно основание не поднимать зарплату выше шкалы. Ибо если интенсивность труда, его качество и эффективность падали ниже определенного уровня, то он уже ничем не отличался от простого "валяния дурака", от видимости работы, которую сохраняли ради приличия»¹⁵.

Кроме того, фактически был уничтожен рынок труда: «Реальная заработная плата должна была постепенно опуститься до нулевого уровня, и таким образом все затраты на содержание работника легли бы на приход ... Будь у рабочих право объединяться для защиты своих интересов, система денежных пособий могла бы, конечно, оказать противоположное влияние на средний уровень заработной платы, ибо действиям профсоюзов в значительной степени способствовала бы система помощи безработным, предусматривавшаяся столь широким применением законодательства о бедных»¹⁶. Но «право на жизнь» в сочетании с несправедливыми законами 1799–1800 гг. против рабочих союзов (профсоюзы были разрешены лишь в 1870 г.) привело к падению заработной платы и массовому пауперизму.

Наконец, «финансовое осуществление "права на жизнь" приносило в конечном счете несчастья тем самым лицам, для которых оно, казалось бы, должно было стать спасением»¹⁷. Поскольку в результате введения системы пособий уровень заработной платы опустился ниже прожиточного минимума, фермеры не желали нанимать работников, у которых оставался хотя бы крошечный клочок земли, поскольку человек, владевший собственностью, не имел права на пособие от прихода, а обычная заработная плата была столь низкой, что человек не мог обеспечить существование семьи без дополнительной помощи в том или ином виде. Поэтому в некоторых районах шанс найти работу был лишь у тех, кто содержался за счет налогоплательщиков; те же, кто пытались обойтись без пособий и зарабатывать на жизнь собственным тру-

¹⁵ Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 94.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Там же.

дом, едва ли могли где – либо устроиться. Те, кто хотели заработать больше чем обеспечивало пособие, просто не могли этого сделать. Соответственно даже у тех, кто были готовы и хотели трудиться, это желание и эта готовность постепенно пропадали. Поланьи говорит о том, что, оказавшись в замкнутом кругу этой системы, человек попадал в ловушку. Закон искусственно превращал полноценных работников в пауперов, размывал границы между рабочим классом и классом пауперов, сплавляя их в одну серую массу нищих.

Призванный сдержать рост нищеты закон Спинхемленда привел к тяжелейшим социальным последствиям. Лишь в 1834 г. парламент, избранный на основании новой избирательной системы, отменил этот закон. «Согласно новому закону, лица, живущие самостоятельно, впредь лишались права на пособие. Закон проводился в жизнь дифференцированно и на общенациональном уровне; в этом отношении он также означал решительный разрыв с прежней практикой. С дотациями к заработной плате, было, разумеется, покончено»¹⁸.

Одним из первых шагов нарождавшейся социальной политики стал новый Закон о бедных (1834 г.), который обязывал каждого трудоспособного человека работать. Законодательно были закреплены и решения о принуждении человека к труду, в том числе практика работных домов, которые при своей скверной репутации в условиях становления рынка представлялись необходимым злом.

Приведем некоторые выдержки из доклада составителей Закона о бедных 1834 г. В разделе «Принцип оказания помощи нуждающимся. О мере достатка» указывается, что «первым и основным условием, принципом, который применяется повсеместно, даже теми, чьи действия на практике расходятся с ним, состоит в том, что его положение (т. е. положение “бедняка”, получателя помощи по закону о бедных) в целом не может в действительности или явно быть таким же приемлемым, как положение независимого работника, принадлежащего к самому низшему классу. Доказано, что тогда как положение любого класса бедняков поднимается над положением независимых работников, положение независимого класса принижается; их промысел деградирует, занятость становится непостоянной, оплата их труда снижается. У подобных лиц появляется стимул покинуть ряды менее приемлемого класса рабочих, чтобы стать членом более приемлемого класса бедняков. Речь идет о том, чтобы сделать так, чтобы поставить класс бедняков в то положение, в котором он должен находиться, т. е. ниже независимого работника. Каждая копейка, потраченная на то, чтобы сделать положение бедняков более достойным, чем положение независимых работников, – это праздная и вредная щедрость ... Работный дом отвечает всем этим требованиям и является единственным средством, с помощью которого цель статута (законодательного акта), выпущенного Елизаветой в 1601 г., и в соответствии с которым каждый трудоспособный мужчина должен работать, может быть достигнута»¹⁹.

Практика работных домов – один из трагических эпизодов социальной истории Великобритании.

Поланьи называет их убежищем, намеренно превращенным в обитель ужаса и омерзения: «На работный дом было наложено клеймо позора, пребывание в нем сделали психологической и нравственной пыткой; при этом человек должен был строго выполнять требования гигиены и благопристойности, более того – последние искусно использовались как предлог для новых изощренных мучений. Осуществлять закон предстояло теперь уже не мировым судьям, не приходским попечителям по призрению бедных, но особым чиновникам, действовавшим в территориально более широких рамках и под жестким контролем центра. Самые похороны паупера были превращены в процедуру, посредством которой его товарищи по несчастью отре-

¹⁸ Поланьи К. Указ. соч. С. 117.

¹⁹ Miller St. The Development of Social Policy // Social Policy / Ed. by J. Baldock, N. Manning, St. Miller, S. Viskerstaff. N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 19.

кались от всякой солидарности с ним, даже перед лицом смерти»²⁰. Бедняку, стоявшему на грани голодной смерти, был предложен выбор между полной отменой какой бы то ни было помощи и помещением в работный дом. Но, так или иначе, это был способ заставить людей, развращенных подачками Спинхемленда, искать работу, выходить на рынок труда.

Общественные работы, трудовые мастерские во Франции

Социальная история Франции и история социальной политики в этой стране во многом определена Великой французской революцией (1789) и Декларацией о правах человека и гражданина. «Общество обязано помогать тем, кто находится в бедственном положении» – в этом мнении сходились авторы Декларации. Общественное вспомоществование якобы соответствует «священному долгу». Однако, провозглашая право на помощь, государственные мужи 1789 г. не отделяли его от другого, еще более важного права – зарабатывать на жизнь собственным трудом. Право на получение помощи, с их точки зрения, лишь сопутствовало более существенному праву быть включенным в общество, приносить ему пользу, как было принято говорить в те времена. И с этим соглашались авторы Декларации²¹.

Труд рассматривался как основа солидарности и общественного взаимодействия. Каждый человек имеет право зарабатывать себе на жизнь, если он трудоспособен, или получать помощь, если он не в состоянии работать. Как реализовывались во Франции эти идеи? В работе «Новый социальный вопрос» (1995) научный директор Высшей школы социальных исследований (Франция) П. Розанваллон описывает основные вехи истории трудовых отношений и становления социальной политики Франции.

В 1789 г. были созданы бюро «по вспомоществованию и труду». «Будучи предназначенными для организации работ для неимущих, – отмечает Розанваллон, – эти бюро по вспомоществованию и труду должны были играть роль своего рода агентств по трудоустройству, осуществляя учет как имеющейся рабочей силы, так и потребности в ней. Из – за неурожая в Париж потянулись массы безработных, и осуществление подобных проектов стало неотложным делом. Менее чем через два месяца после взятия Бастилии государственные власти принялись за организацию работ, предназначенных для обеспечения занятости безработных граждан – ремонт канализации, уборка мусора по берегам Сены, различные работы по благоустройству окраин и т. д. В тот период аналогичные службы, которые называли “мастерскими по оказанию помощи”, были организованы также и в провинции»²²

²⁰ Поланы К. Указ. соч. С. 117.

²¹ Розанваллон П. Новый социальный вопрос. М.: Моск. шк. полит. исслед., 1997. С. 116.

²² О подобных мастерских см.: Tuetey A. L'Assistance publique a Paris pendant la Revolution. P., 1895–1897. Vol. 4; Lallemand L. L' Histoire de la charite. T. IV, V. Les Temps modernes (XVI–XIX siecle). P., 1910.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.